

Фонетическая словакизация чешского языка евангелическими авторами

К. В. Лифанов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия); lifanov@hotmail.com

Аннотация. Статья посвящена сопоставительному изучению языка текстов, созданных в разное время словацкими авторами протестантского исповедания и отражающих явления словакизации чешского языка на фонетическом уровне. Выясняется, что в этих текстах представлен иной тип словакизации по сравнению со словакизацией традиционного типа, характерной для католических текстов и низших жанров письменности, общих для католиков и протестантов. Особенностью этого типа является использование авторами-протестантами при словакизации элементов среднесловацкого диалекта. В связи с этим становится понятным обращение именно к среднесловацкому диалекту протестанта Л. Штура при кодификации им словацкого литературного языка.

Ключевые слова: чешский язык, словакизация, евангелическая конфессия, графема, нисходящий дифтонг, восходящий дифтонг, субституция, тенденция, периферия.

Phonetic slovakization of the Czech language by evangelical authors

K. V. Lifanov

Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia); lifanov@hotmail.com

Abstract. As is known, Slovak Protestants generally considered Czech to be a model written language, the norms of which they sought to follow. At the same time, certain Evangelical texts reveal a trend for their slovakization, the object of this study. These texts, written in the XVII–XIX centuries by Evangelical

authors, relate to high genres of writing: catechisms by Martin Luther, translations of J. A. Komenský's works, and literary texts from the almanac "Zora". A comparison of the language of these texts shows that they differ in the degree of their slovakization, significantly less pronounced in the catechisms. At the same time, the fiction texts of the almanac "Zora" (XIX century) are most closely resonate with the language of "Rosarium Animae" by D. Pribiš (XVII century).

The paper also shows that Evangelical texts reveal a different type of slovakization compared to Catholic religious literature and lower writing genres, common to both the Catholics and the Protestants. The language of Protestant authors was influenced by the Middle Slovak dialect, while the idiom used in Catholic writings originating from South-Western Slovakia shows predominantly Western Slovak traces. This explains the choice by Protestant L. Štúr of the Middle Slovak dialect for the base of the literary language codified by him. Notably, however, the emerging Protestant tendency to slovakize Czech texts being rather weak and peripheral, the Protestants continued to focus on the Czech literary language until the codification by L. Štúr.

Keywords: Czech language, slovakization, Evangelical denomination, grapheme, descending diphthong, ascending diphthong, substitution, tendency, periphery.

1. Введение

Словацкий литературный язык формировался сложно в течение нескольких столетий. Начальную фазу его формирования можно отнести к XV в., когда старочешский язык, веком ранее проникший на территорию Словакии, начал взаимодействовать с западнословацким диалектом, видоизменяясь и таким образом отдаляясь от своего облика в Чехии и Моравии. Если на самом раннем этапе этого процесса отклонения от собственно чешского варианта в письменных текстах были случайными, так как появлялись лишь вследствие недостаточного владения чешским языком их переписчиками или создателями, то затем ряд появляющихся особенностей приобретает закономерный характер. Этому процессу способствовала Реформация, достигшая в Словакии значительных масштабов. Протестантские

церкви поощряли использование народного языка в религиозных текстах, поэтому насыщенность этих текстов элементами словацких диалектов нарастала. Заметим, что названные особенности первоначально имели преимущественно фонетический характер. В связи с этим данная статья посвящена именно фонетическим изменениям, характеризовавшим язык словацкой письменности более позднего периода.

В первые десятилетия XVII в. ситуация осложняется. В это время Словакия переживает агрессивную рекактолизацию населения. При этом католические священники заимствуют языковую практику протестантов, поэтому процесс словакизации не только не прекращается, а даже еще более усиливается. Словацкие же протестанты-лютеране — приверженцы М. Лютера и евангелической церкви Аугсбургского исповедания — оказываются в критической ситуации, стремительно теряя своих сторонников. Для сохранения евангелической церкви в Словакии ей необходима была внешняя поддержка, которую она нашла в лице чешских протестантов, массово мигрировавших в Словакию после битвы на Белой горе 1620 г. Последствием этого становится изменение языковой ситуации в их среде, так как вновь образцовой формой письменного языка становится чешский язык, представленный прежде всего в Кралицкой Библии, а традиционная форма гибридного языка оказывается оттесненной в низшие жанры письменности, в частности, в деловую письменность. В. Важный считал рубежом использования словакизированного языка 1634 г., когда был опубликован «Катехизис Мартина Лютера» — последняя, по мнению В. Важного, евангелическая книга религиозного содержания со словакизмами [Vážný 1936: 152]. В результате, в соответствии с традиционной концепцией развития языка словацкой письменности, с начала XVII в. словацкое общество делилось на две части в зависимости от языковых предпочтений. Если для католиков была характерна словакизация чешских текстов, которая с течением времени только усиливалась, то словацкие евангелики (лютеране) вплоть до середины XIX в. в качестве своего литературного языка использовали чешский язык. Это представление выражено, например, в следующем

утверждении Л. Н. Смирнова: «...в развитии языковой ситуации в Словакии в XVIII в. явно обнаруживаются две противоположные тенденции. Одна была связана со стремлением сохранить в чистоте нормы чешского литературного языка в словацкой письменности, укрепить его позиции в литературно-письменной сфере, в культурной жизни словаков. Подобные стремления были наиболее типичны для словацкой интеллигенции протестантского вероисповедания. В их среде получило распространение представление о национально-этническом, языковом и культурном единстве словаков с чехами. В силу этого они воспринимали чешский литературный язык как свой “национальный” и, естественно, выступали за его культивирование» [Смирнов 1978: 93].

В связи с приведенной цитатой заслуживает внимания замечание Э. Паулини о том, что в языке словацкой евангелической письменности XVII в. прослеживаются две противоположные тенденции: стремление следовать образцам, создаваемым в Чехии, и словакизация чешского языка [Pauliny 1971: 50]. При этом, однако, названный автор не развивает данную мысль в последующих работах и не ставит вопрос о типах словакизации чешских текстов. В целом факт словакизации евангелических текстов также остался без должного внимания. Исключением являются, пожалуй, лишь работы Л. Дюровича [Đurovič 2008, 2015 и др.], который сосредоточил свои усилия в большей степени на изучении грамматических описаний чешского языка, принадлежавших перу авторов словацкого происхождения (Д. Крман, Т. Маснициус, П. Долежал), а не на реальном функционировании языка.

Заметим, что генетически словацкие элементы представлены во многих памятниках письменности, записанных на территории Словакии. Довольно часто в текстах обнаруживаются элементы соответствующих территориальных диалектов. В этой связи чрезвычайно важен статус этих элементов в текстах. Насыщенность же этими элементами зачастую зависит от характера текстов, то есть жанра письменности и специфики функционирования идиома, в котором они употребляются. В Средневековье существовала иерархия жанров письменности, которая зависела от сферы жизни, которую

эти тексты обслуживали. Иными словами, именно сфера употребления, а не насыщенность текста словакизмами, определяет степень его «культивированности». В этой связи на вершине пирамиды жанров оказываются, безусловно, религиозные тексты, к которым прилегают научные (вернее, научно-популярные, так как в собственно научной литературе использовались иные языки, причем не обязательно чешский), а также высокая поэзия.

Изучение текстов религиозного содержания и поэзии барокко, которые были созданы авторами католического вероисповедания, а также текстов деловой письменности и лубочной и окказиональной поэзии, не различавшихся по конфессиональной принадлежности их создателей, позволило выявить традиционный тип словакизации и его характерные особенности [Лифанов 2001]. Целью же данной статьи является выяснение того, представляют ли протестантские тексты, относящиеся к более высоким жанрам письменности и содержащие словакизмы, единое целое и в каком отношении они находятся к текстам, созданным в рамках общей словацкой письменной традиции, формировавшейся практически с момента проникновения древнечешского языка на территорию Словакии. Объектом исследования являются катехизис Мартина Лютера, опубликованный в восточнословацком городе Левоча в 1634 г. [Katechizmus 1634], и присоединенная к нему в виде дополнения книга «Розарий души» («Rosarium Animae»), написанная приходским священником села Спишский Гргов Даниэлом Прибишем¹ [Pribiš 1634], малый катехизис Мартина Лютера, опубликованный в 1732 г. [Katechizmus 1732], катехизис Мартина Лютера, опубликованный в Пресбурге (нынешняя Братислава) в 1744 г.² [Katechizmus 1744], а также два самостоятельных рукописных перевода сочинения Я. А. Коменского «Открытые золотые врата латинского языка» («*Ianva lingvae latinae reserata aurea*»). Первый был осуществлен

¹ Данные части Катехизиса 1634 г. мы будем рассматривать отдельно, поскольку их язык подвергся разной степени словакизации [Лифанов 2015].

² Как видим, евангелические тексты подвергались словакизации не только в XVII в., как об этом писал Э. Паулини, но и позже.

в 1666 г. турчанским адвокатом Ф. Булёвским [Komenský 2002], а второй — приблизительно в то же время неизвестным автором [Komenský 2009].

Словакизация евангелической письменности имела место и в более позднее время. В частности, это явление наблюдается в чешских текстах первых двух выпусков альманаха «Зора» соответственно 1835 и 1836 гг. [Zora 1835, 1836]. В отношении языка этих текстов также чрезвычайно интересно выяснить, было ли это новое изолированное явление или оно имело определенную связь со словакизацией чешских текстов в памятниках евангелической письменности XVII–XVIII вв.

Объем статьи позволяет, однако, рассмотреть только фонетическую систему указанных памятников письменности.

2. Орфографические особенности евангелических текстов

Сходство всех рассматриваемых евангелических текстов и одновременно противопоставление части из них языку складывающейся традиционной словацкой письменности выявляется уже в графике и орфографии, которые, полагаем, отражают процессы, реализуемые на фонетическом уровне. Это касается прежде всего графемы *ř*, обозначающей специфические чешские звуки — альвеолярный дрожащий [r̥ʒ] и его глухой вариант [r̥ʂ]. Поскольку указанные звуки отсутствуют в словацком языке, они в целом достаточно быстро утрачиваются в традиционном языке словацкой письменности [Лифанов 2000: 26–32]. В рассматриваемых же евангелических текстах ситуация неоднозначная. В одних текстах (катехизис 1634 г., включая сочинение Д. Прибиша, а также катехизис 1732 г.) графема *ř* представлена, хотя и с пропусками и ошибочным обозначением (особенно в тексте Д. Прибиша), а в других (переводы сочинения Я. А. Коменского, катехизис 1744 г.) она отсутствует. Ср. примеры верного использования этой графемы:

- (1) *Po druhe že gměno dobře wasseg W. předkůw nagwjz od wás ma braněno bytj aby nezhinulo: ale y na Potomky wasse přenesseno bylo.*
 ‘Во-вторых, доброе имя предков Вашего Высочества должно вами в наибольшей степени оберегаться, чтобы оно не исчезло, а было перенесено и на ваших потомков’.
 [Katechizmus 1634: A5³]
- (2) *Tobe samemu gsme z hřessilj a zle před tebuw včynilij.*
 ‘Тебя самого мы отругали и дурно к тебе отнеслись’.
 [Pribiš 1634: D4]
- (3) *Třetí Deň wstal z mrtwých, wstúpil na Nebesa.*
 ‘На третий день он восстал из мертвых и вознесся на небеса’.
 [Katechizmus 1732: A8⁴]

Примеры замены этой графемы графемой г, а также ее неверное употребление также достаточно частотны:

- (4) *⟨...⟩ try Super Attendenti totiž Elias Lany / Isaacus Abrahamides a Samuel Melikins / poradně na ten vrad <...> postavěnj o to se nagwjz snažyly / aby rozdylne včenj mladeže z Cyrkwj sobe poručěnych wizdwihly...*
 ‘⟨...⟩ ‘три суперинтенданта, т. е. Элиаш Лани, Исаак Абрахамидес и Самуэль Меликинс, назначенные на этот пост надлежащим образом, более всего стремились поднять на высокий уровень раздельное обучение молодежи, подопечной церкви...’
 [Katechizmus 1634: A4]
- (5) *Stydjme se kdy vkáleny a neumjtu máme twar.*
 ‘Мы испытываем стыд, когда у нас закаленное и неумытое лицо’.
 [Pribiš 1634: D5]

³ В рассматриваемых памятниках представлена сложная и непоследовательная система нумерации страниц, т. к. некоторые из них обозначаются только цифрами или буквами, другие — и цифрами, и буквами, а номера некоторых страниц не обозначены вовсе.

⁴ В действительности страница не обозначена.

- (6) *Zdijlegž se ten kterýž Navčenj přjgimá w slowu, s tým, odkohož navčenj **beře**, wssim statkem.*
 ‘Поделись всем своим имуществом, принимающий слова учения, с тем, от кого это учение исходит’.
 [Katechizmus 1732: D7]
- (7) <...> *aby gsme **pred** Krále lehko **prigiti** mohli.*
 <...> ‘чтобы мы легко могли попасть к Царю’.
 [Katechizmus 1744: A3]
- (8) *Wlchkosti wodnye ustawične se **hore** znassegj.*
 [Komenský 2002: 181]
*Wlchkosti wodne ustawične se **hore** znassegu.*
 [Komenský 2009: 8]
 ‘Водяная влага постоянно поднимается вверх’.

Аналогичная ситуация выявляется и при фиксации графемы *ě* в позиции после губных согласных, обозначающей в праславянском языке /ě/ либо /ɛ/, а в чешском — йотированное /e/ [je]⁵. В словацком языке рефлексом указанных праславянских звуков чаще всего выступает гласный /e/ без йотации. Названная графема также фиксируется дифференцированно, так как обнаруживается во всех катехизисах, включая сочинение Д. Прибиша, но отсутствует в переводах сочинения Я. А. Коменского. Ср. примеры верного отражения этой графемы:

- (9) *Trpěl pod Pontským Pilátem: Vkrížován / Vmřel / y pohřben gest.*
 ‘Страдал он от Понтия Пилата: был распят, умер и погребен’.
 [Katechizmus 1634: B3]
- (10) <...> *lžeš Kayně wetssi gest Božj Milost / nežli wsseckého **Swěta** zlost’.*
 <...> ‘лжешь, Каин, Божья милость больше зла всего мира’.
 [Pribiš 1634: E3]

⁵ В позиции после согласного *m* йотированное *e* произносится на территории Моравии, тогда как в собственно Чехии *j* заменяется на мягкое *n* [ň].

- (11) *Ale ge w poctiwosti měli, milowali, gjm slaužili, poslussnj byli, a gich welice **sobě** wážil.*
 ‘Но они их уважали, любили, служили им, слушались, а он их очень уважал’. [Katechizmus 1732: A3]
- (12) <...> *gako Clericy Kněžowi a modlitbami / a **spěwem** pri Oltárj služá.*
 <...> ‘как клерики служат священнику при алтаре молитвами и пением’. [Katechizmus 1744: A5]

Однако и при написании данной графемы нередко ошибки, например:

- (13) *Doktora Martina Luthera. **Spowednij*** [чешск. zpovědní] *Otázky.*
 ‘Доктора Мартина Лютера. Исповедные вопросы’. [Katechizmus 1634: C3]
- (14) *Nebot' my **nemámě*** [чешск. nemáme] *žádného giného / krom **tobe***⁶
 [чешск. tebe] *Boha samého gediného.*
 ‘Потому что у нас нет никакого другого Бога, кроме тебя’. [Pribiš 1634: F3]
- (15) *Ale my prosýme w této **Prosbe*** [чешск. prosbě], *aby u od nás swatě a sláwně bylo ctěno.*
 ‘Но мы просим в этой просьбе, чтобы и нами это могло быть свято и торжественно почитаемо’. [Katechizmus 1732: B3]

Разная представленность этих графем в текстах показывает, что их использование, а таким образом и произнесение или произнесение соответствующих звуков⁷, зависело от характера текста. Так, в более строгих жанрах названные звуки были достаточно обычными.

⁶ В предложении вместо чешской формы род. падежа употреблена форма дат., что, впрочем, было типично для текстов XVII в.

⁷ В пользу предположения о том, что соответствующие звуки все же произносились, а соответствующие графемы не были лишь элементами орфографии, свидетельствует то, что изредка названные звуки обозначаются иначе. Иными словами, фиксируется именно звук, а не употребляется буква в соответствии с правилами чешской орфографии. Ср. пример: *Wjeřjm* [чешск. věřím] *u w Gezu*

Особенно это подчеркивает язык наиболее авторитетного евангелического текста — Катехизиса 1634 г.⁸, — в котором написание рассматриваемых графем почти точно отражает чешскую норму. Снижение статуса текста приводит к тому, что возрастает количество необозначения или неверного обозначения этих звуков (Катехизис 1732 г., сочинение Д. Прибиша) до полной утраты одного из них (Катехизис 1744 г.) или обоих (переводы сочинения Коменского).

Интересно, что тексты альманаха «Зора», вышедшие значительно позже рассматриваемых памятников, в плане отражения данных звуков тяготеют не к переводам сочинения Я. А. Коменского, что было бы логично с учетом временного фактора и усиления словакизации, а к религиозным текстам, причем в наибольшей степени к «Розарию души» Д. Прибиша; см. примеры верного употребления рассматриваемых графем:

- (16) *Brzo sem zpozoroval na něm v dalekosti **světlý** blesk, jehož kolo, na kraji **nepřehledného** tohoto **mořička**, vždy více a více rozšiřovalo.*
 ‘Быстро я заметил на нем вдалеке светлую вспышку, очертание которой на краю этого необъятного моря постоянно расширялось’.
 [Šnell 1836: 235]
- (17) *⟨...⟩ až se **kropěje** slz po její líliové tváři ronily.*
 ‘...’ даже капли слез текли по ее лиловому лицу’.
 [Palucký 1835: 255]
- (18) *⟨...⟩ tam, kde gako na konci **swěta**, od východu k pólnoci a západu ona **nepřetrhnutými, přewysokými**⁹ wrchy obmezená.*
 ‘...’ там, где, как на краю света, с востока к югу и западу она ограничена непроходимыми высоченными горами’.
 [Szuhaný 1835: 159]

Krysta, Syna geho gedíného nasseho ‘Верим мы и в Иисуса Христа, нашего сына его единственного’ [1732: A8, страница в тексте не обозначена].

⁸ Катехизис 1634 г. представляет собой новое издание катехизиса 1612 г., официально принятого Жилинским синодом 1610 г. [Žibritová 2011].

⁹ Данное слово было представлено в старочешском языке [Vokabulář 2020].

Тем не менее фиксируется и значительное количество неверного употребления этих графем; ср. примеры:

- (19) <...> *blízký polostrov Tyhaň, na jehož slávném kláštěře věže* [чешск. klášteře věže] *slunečnými pahřeskami osvěcené se blýskaly...*
 <...> ‘рядом расположенный полуостров Тихань, где на башне известного монастыря они блестели, освещенные солнечными лучами’. [Šnell 1836: 236]
- (20) *Po polední vezmúc své pletoihly, Jerzyho dařek* [чешск. darek], *šla do záhrady.*
 ‘После полудня, взяв свои спицы, подарок Ежи, она пошла в сад’. [Palucký 1835: 254]
- (21) <...> *když pře*¹⁰ *dogné krawy trávu aneb dozrelé žito žne.*
 <...> ‘когда для дойных коров она жнет траву или созревшую рожь’. [Szuhaný 1835: 159]

3. Дифтонги в евангелических текстах

Язык традиционной словацкой письменности в его классическом (юго-западнословацком) варианте характеризуется отсутствием дифтонгов, причем в нем, как правило, не представлен как генетически чешский дифтонг *ou*, замененный западнословацким долгим монофтонгом /ú/, так и восходящие словацкие дифтонги. Последние, однако, могут появляться в сниженных жанрах письменности регионального характера, начиная с проповедей, хотя это явление не имеет облигаторного характера. Даже в поэтических произведениях словацкого барокко они фиксируются крайне редко [Лифанов 2001: 103–115]. В изученных же евангелических текстах вырисовывается довольно

¹⁰ В данном предложении употреблен словацкий предлог *pre* [чешск. *pro*], однако он подвергся фонетической богемизации: перед гласным /e/ согласный /r/ был заменен на /ř/, отсутствующий в словацком языке.

оригинальная картина. В текстах катехизисов 1634 и 1744 гг., как правило, верно отражается чешский дифтонг оу (графически au), причем дифтонгизация отражена даже в начале слова. В катехизисе же 1732 г. представлены обе огласовки, тогда как в остальных текстах почти последовательно чешский дифтонг субституируется словацким долгим монофтонгом. Ср. примеры:

- (22) <...> *a dal mi Tělo y Dussy / Oči / Vssy / a wssecky **Audy** / Rozum y wssecky smysly...*

<...> ‘и дал мне тело и душу, очи, уши и все члены, разум и все чувства’. [Katechizmus 1634: B3]

- (23) *Pán Bůh hrozý **welikau pokutau** wssechněm těm, kterjž takowá Příkladanĵ geho přestupugj.*

‘Господь Бог грозит суровым наказанием всем тем, кто нарушает его заповеди’. [Katechizmus 1732: A6 не обозначена]

- (24) 69. *Potoky z prjwaluw **gsau** wody deždowe, prudko dolu tekuce, od kterjch rozwodnenj a powodne biwagj.*

[Komenský 2002: 182]

69. *Potoky z/prywaluw **sau** wody deždowne, prudko dolu tekuce, od kterych rozwodneni a powodne biwagj.*

[Komenský 2009: 11]

‘Паводковые потоки — это стремительно текущая вниз дождевая вода, от которой бывают разливы и наводнения’.

- (25) *Neb gide Pán / a bljsko gest deň Mrakoty / a těmnoſtj / deň Oblaku a **bure**.*

‘Ибо идет Господь, а рядом день мрака и темноты, день тучи и грозы’. [Pribiš 1634: D5]

- (26) *Nebo každého dñe mnoho hřessjme, ano **púheho** trestani zaslugheme.*

‘Поскольку мы ежедневно грешим, да, мы все время заслуживаем наказания’. [Katechizmus 1732: B6 не обозначена]

- (27) 57. ***Krutjcy** wyetor a wjchor do koleſa **se** diwne **krutya**.*

[Komenský 2002: 181]

57. *Kruticy se wjtr a wjchor do koleša se diwne krutja.*

[Komenský 2009: 10]

‘Крутящийся ветер и кружащий вихрь имеют удивительное вращение’.

Тексты в альманахе «Зора» уже практически точно отражают словацкую ситуацию и фактически продолжают линию Прибиш — переводы Я. А. Коменского. Ср. примеры:

- (28) <...> *již nastávajícího 1836 roku, k večšej hostů pohodelnosti otevřene budú.*

<...> ‘уже в наступающем 1836 г. они будут открыты для большего удобства гостей’.

[Šnell 1836: 250]

- (29) *Tys byl ve věku tvého Jerzyho, udatný a květící, co on.*

‘Тис был в возрасте твоего Ежи, такой же бравый и цветущий, как и он’.

[Palucký 1835: 257–258]

- (30) *Pozůstalú částku ukrutné noci mezy strachem a náděgou¹¹ o lose swých milých a swého gměnja nešťasnjci stráwili.*

‘Оставшуюся часть ужасной ночи бедняги провели в страхе за судьбу своих дорогих и своего имущества и надеясь на лучшее’.

[Szuhány 1835: 165]

Определенное сходство наблюдается и при отражении восходящих среднесловацких дифтонгов /ie/, /ia/, /uo/, которые обнаруживаются в языке сочинения Д. Прибиша «Розарий души» и переводах сочинения Я. А. Коменского, но отсутствуют в языке всех трех катехизисов. Ср. примеры с дифтонгами:

- (31) <...> *který gj liecj wonnymi / kwietkami.*

<...> ‘который лечит ее благоуханными цветами’.

[Pribiš 1634: D]

¹¹ В формах творительного падежа имен существительных, прилагательных и некоторых местоимений в среднесловацком диалекте представлено окончание -ou, которое, однако, дифтонгом не является [Krajčovič 1988: 24].

- (32) *Tŕy pak hŕjadkj nachazegj se w tego Zahradce.*
 ‘Три грядки, кроме того, находятся в этом саду’. [Ibid.: D]
- (33) *⟨...⟩ kdo sebe samého nezna / ten swoge hŕjchij nikdy oplakáwati a želeti / mnohem meneg wiznawáti bude muocy.*
 ⟨...⟩ ‘кто сам себя не знает, тот никогда не будет способен оплакивать грехи свои и сожалеть о их совершении, в значительно меньшей степени будет признавать их’. [Ibid.: D2]
- (34) *66. Z tch se zberagj rieky a potom welike tekuce wody, ustawične mezy brehy swimy odtekgjce.* [Komenský 2002: 182]
66. Z/tych se zbyeragj ryeky a potom welike tekuce wody, ustawične mezy brehy swimi odtekgjce. [Komenský 2009: 11]
 ‘Из них возникают реки, а затем великие текущие воды, постоянно перемещающиеся от одного своего берега к другому’.
- (35) *54. Snehi siata prikrjwagj, aby od mrazu neb od ledu, kde mrzne, nezamrzlo.* [Komenský 2002: 181]
54. Snehj syatia prykrjwagj, aby od mrazu neb od ledu, kde zmŕzne, nezamrzlo. [Komenský 2009: 9]
 ‘Снега прикрывают посевы, чтобы они от мороза или льда не замерзли, там где есть мороз’.
- (36) *73. More kdy se rozihra (:wlŕny zmjtagjce:), slane gest gako ruosol.* [Komenský 2002: 182]
73. More kdi se rozyhra [wlŕny zmita] slane gest gako rŕsol. [Komenský 2009: 12]
 ‘Море, когда оно разыграется, разбрасывая волны, соленое, как рассол’.

Среднесловацкие восходящие дифтонги выявляются и в текстах альманаха «Зора», что, возможно, свидетельствует о связи их языка с языком более ранних произведений протестантских авторов. Ср. примеры:

- (37) <...> *kde, obzvláště v Kemnicerovském, dle pěkného vkusu vystaveném **kašjeli** vážnější **hostja** vždy svlidností a krajinskou hostinností vítáni bývají.*
<...> ‘где, особенно в Кемницеровском, в замке, построенном в изысканном вкусе, гостей всегда принимают радушно, с местным гостеприимством’. [Šnell 1836: 251]
- (38) *Pod ňou malý stolík: okolo něho z **bjélé** březy lavice.*
‘Под ней столик, около него скамья из белой березы’. [Palucký 1835: 253]
- (39) <...> *její **večernjá** **tvóň**a padá na vlny této velké polské řeky.*
<...> ‘ее вечерняя тень падает на волны этой великой польской реки’. [Palucký 1835: 253]
- (40) <...> *swé **národnjé** pjsně utěšeným hlasem, až se dolina ozywá, prozpěwuge.*
<...> ‘она поет свои народные песни умиротворенным голосом так, что даже отзывается долина’. [Szuhány 1835: 159]
- (41) *Přjpadnost táto gest swědkem času a **okolja** swého.*
‘Обстоятельство это есть свидетельство времени и своего окружения’. [Szuhány 1835: 166]

4. Отражение в евангелических текстах чешских перегласовок

Все рассмотренные евангелические тексты отличает хорошая сохранность характерной особенности чешского языка — замены гласных непереднего ряда гласными переднего (перегласовка) в целом ряде позиций, главным образом после функционально мягких согласных. Данное явление в словацком языке отсутствует. При этом в текстах собственно катехизиса 1634 г. и катехизиса 1732 г. перегласованные гласные сохраняются в полном объеме. В других же текстах нарушения представлены, хотя стремление

авторов сохранить формы с перегласовками очевидны. При этом существуют основания утверждать, что, как и в текстах традиционной словацкой письменности, можно говорить о грамматикализации перегласовок хотя бы потому, что суффиксы причастий и деепричастий последовательно сохраняют перегласованные гласные. Возможно, это объясняется тем, что названные формы практически не употребляются в народной речи, поэтому замена чешских форм генетически родственными им словацкими не могла произойти. Ср. примеры:

- (42) *Niekdy **magjce** (совр. слов. majúc) y swe y swého Lidu hřijchi Oplakáwatj přorok Hjeremiaš wolal ku Pánu Bohu.*
 ‘Когда-то, будучи должным оплакивать собственные грехи и грехи народа, пророк Иеремия обращался к Господу Богу’.
 [Pribiš 1634: D5]

- (43) *72. Bublínka bjwa od **kwapkagjceg** (совр. слов. kvapkajúcej) kropege.*
 [Komenský 2002: 182]

*72. Bublínka bywa od **kwapkagjceg** kropege.*
 [Komenský 2009: 12]

‘Пузырек появляется из-за капающей капли’.

Примечательно, что в формах причастий и деепричастий перегласованные гласные последовательно сохраняются даже в текстах альманаха «Зора»:

- (44) *⟨...⟩ tak i plný měsíc, jakoby z lúna Blatoňovho **vycházející** (совр. слов. vychádzajúci), jen tu v najskvostnějšíj kráse své se zjevuje.*
 ⟨...⟩ ‘так и полная луна, выходящая как бы из лона Балатона, появляется здесь во всем своем великолепии’.
 [Šnell 1836: 251]

- (45) *⟨...⟩ mladost svú v loně **milující** (совр. слов. milující) matky přežijete.*
 ⟨...⟩ ‘молодость свою вы проживете в лоне любящей матери’.
 [Palucký 1835: 256]

- (46) <...> *w potu twáři swóg chléb **hledagjcj*** (совр. слов. hľadajúci) *pilný kragan oře a sege.*
 <...> ‘в поте лица своего трудолюбивый земляк пашет и сеет хлеб свой’. [Szuhány 1835: 159]

В других формах замена перегласованных гласных соответствующими неперегласованными также представлена, однако анализируемый материал является недостаточным для определения этапов грамматикализации и ее специфики в евангелической письменности, поэтому приведем лишь некоторые зафиксированные примеры, отражающие данное изменение:

- (47) <...> *yako list **zanússa*** (чешск. zanáší) *witr od Stromu.*
 <...> ‘как ветер относит лист от дерева’.
 [Pribiš 1634: 1 страница не обозначена]

- (48) 67. *Ale gestly nekde odtoku a odbehu nemagj, **dugu se*** (чешск. dují se) *a do zatok **se rozlyewagu*** (чешск. rozlévají se).
 [Komenský 2002: 182]

67. *Ale gestli niekde od toku a/od behu nemagj, **dugu se** a do zatok **se rozliewagu.*** [Komenský 2009: 11]

‘Но если где-то у них нет стока и слива, они вздуваются и заливают пойму’.

- (49) *Swatu Rjmsku **Stolicu*** (чешск. stolicí) *má člowěk nasledowat we wsselikých wěcech.*
 ‘Святому Римскому престолу человек должен следовать во всех делах’.
 [Katechizmus 1744: A5]

Неперегласованные формы в значительном количестве обнаруживаются и в текстах альманаха «Зора»:

- (50) <...> *že jezero toto na způsob **mořa*** (чешск. moře) *svój odtok a přítok má.*
 <...> ‘что озеро это, подобно морю, имеет отливы и приливы’.
 [Šnell 1836: 243]

- (51) ⟨...⟩ *pro zkušenosť nás do cuziny posílajú* (чешск. *ciziny posílají*).
 ⟨...⟩ ‘нас посылают за границу для приобретения опыта’.
 [Palucký 1835: 256]
- (52) ⟨...⟩ *starca* (чешск. *starce*) *z newědomosti a pŕwěrčiwosti káral*.
 ⟨...⟩ ‘старца он ругал от незнания и суеверия’.
 [Szuhány 1835: 163]

5. Фонема $\widehat{d\check{z}}$ в католических и евангелических текстах

Одними из наиболее существенных различий между словацким и чешским языками в составе консонантной системы является наличие в первом фонем $\widehat{d\check{z}}$ и $\widehat{d\check{z}}$, отсутствующих в чешском языке. При этом фонема $\widehat{d\check{z}}$ имеет разное происхождение: в словацком языке в целом она восходит к праславянскому сочетанию $*dj$, а кроме того, в ряде говоров западнословацкого диалекта — к звуку $[dʲ]$. В чешском же языке рефлексом $*dj$ является фонема $/z/$, тогда как фонема $\widehat{dʲ}$ осталась без изменения. Словацкие католические и протестантские тексты по признаку неотражения фонемы $\widehat{d\check{z}}$ ¹² сохраняют единство вплоть до середины XVIII в., так как в них не передается $\widehat{d\check{z}}$, восходящая к праславянскому сочетанию $*dj$. Этот факт в католических текстах объясняется тем, что авторы идентифицировали ее со звуком $[d\check{z}]$, возникшим из мягкого $\widehat{dʲ}$ и характеризовавшим прежде всего югозападнословацкие говоры — основной компонент письменной традиции (наряду с древнечешским языком), формировавшейся в г. Трнава и затем распространившейся по всей территории Словакии. Звук $[d\check{z}]$ из мягкого $\widehat{dʲ}$, однако, фиксируется

¹² Фонема $\widehat{d\check{z}}$ в словацком языке имеет низкую частотность, вследствие чего мы располагаем небольшим количеством примеров, в которых она могла бы быть потенциально представленной, поэтому ее наличие или отсутствие в письменных текстах мы не рассматриваем.

лишь в наиболее древних памятниках западнословацкого происхождения¹³, а затем подвергается субституции мягким /d'/. Автоматически субституируется и фонема /d̄z/, восходящая к *dj, и даже /c/, восходящая к *tj. Только во второй половине XVIII в. фонема /d̄z/, восходящая к *dj, начинает закрепляться в языке католической письменности, о чем свидетельствует язык проповедей Д. Мокоша (1752–1774), стихотворное произведение Г. Гавловича «Пастушья школа» (1755), роман Й. И. Байзы «Похождения и опыт юноши Рене» (1783–1785) и др., кодифицируется употребление этой фонемы А. Бернолаком (1787).

В рассмотренных протестантских текстах данная фонема также отсутствует. Полагаем, что причина тому была иная, по сравнению со случаями, описанными выше, то есть не специфика восприятия этой фонемы авторами как элемента просторечия, а ее отсутствие в чешском языке, в котором рефлексом праславянского сочетания *dj является фонема /z/. Оба рефлекса, чешский /z/ и словацкий /d̄z/, фиксируются только в одном из переводов сочинения Коменского [Komenský 2002], что на общем фоне рассмотренных текстов позволяет интерпретировать это явление как очевидное отклонение, поскольку словацкий рефлекс отсутствует даже в евангелических текстах альманаха «Зора». Ср. примеры:

(53) *Nebo sám Pán Krystus to potwrzugě řka...*

‘Ибо сам Господь Бог подтверждает это, говоря...’

[Pribiš 1634: F2]

(54) <...> *musy člowěk mezi wssemi hrjchy smrtedlnými / záwist' / hněw a wsseliku kyselost proti Blžnjmu swému odhoditi.*

<...> ‘человек вместе со всеми смертными грехами должен отбросить зависть, гнев и всякое уныние по отношению к своему ближнему’.

[Katechismus 1744: B4]

¹³ Иной предстает картина в восточнословацких памятниках письменности, в которых [d̄z] и [c] независимо от их происхождения являются полноправными членами системы консонантизма.

- (55) 28. *A teto su tela sprosteho prirodzenj, z kterych tela zložene (:neb zmjsslane:) bjwagj.* [Komenský 2002: 180]
 28. *Altyeto gsau tela sprosteho[ho] prirozenj, z kterjch bywagj tela složene.* [Komenský 2009: 4]
 ‘А это — причинное место, являющееся частью тела’.
- (56) 33. *Mezy kterimj negwižssj g[es]t Mesjc...* [Komenský 2002: 180]
 33. *Mezi kterimi neywissy gest Mesic...* [Komenský 2009: 5]
 ‘Среди которых выше всех находится Луна...’
- (57) *⟨...⟩ kde co k nějakému svátku z vícehodinné dalekosti k vřídлу to-
 muto hromadně přicházejí.*
 ⟨...⟩ ‘они в праздник из многочасового далека массово приез-
 жают к этому источнику’. [Šnell 1836: 249]
- (58) *Skrovný prameň šeptavě se pomezy¹⁴ roztrúšená bndoviska (!) točí
 a vesnicu mezy dva šlachtice dělí.*
 ‘Незаметный источник тихонько течет между разбросанными
 постройками и делит деревню между двумя дворянами’.
 [Palucký 1835: 253]
- (59) *⟨...⟩ tam, kde gako na konci swěta, od východu k pólnoci a západu
 nepřetrhnutými, přewysokými wrchy obmezená.*
 ⟨...⟩ ‘там, где, как на краю света, с востока к югу и западу она
 ограничена непроходимыми высоченными горами’.
 [Szuhány 1835: 159]

Из других фонетических особенностей языка евангелических текстов отметим полное отсутствие в них сочетания *šč*, возникшего из праславянских сочетаний *stj, *skj и *sk перед гласным переднего ряда, широко представленных в традиционной словацкой письменности и в кодификации А. Бернолака.

¹⁴ Примечательно, что фонема /dz/ не представлена даже в словацком двойном предлоге, отсутствующем в чешском языке.

6. Заключение

Сопоставив все рассмотренные языковые данные, можно констатировать, что внутри евангелической письменности зарождается тенденция к словакизации чешского языка, во многом отличная от традиционной общесловацкой, в итоге приведшей к кодификации литературного языка католиком А. Бернолаком. Если мы сопоставим произведения высших жанров евангелической и католической литературы по характеру языка, заметим, что для них характерна разная диалектная ориентация. Несмотря на то, что основой обоих идиомов является чешский язык, католическая литература очевидно тяготеет к югозападнословацкому региону, тогда как евангелическая — к северному среднесловацкому. В связи с этим становится понятным факт кодификации литературных языков католиком А. Бернолаком на основе идиома с инвариантом в югозападнословацком регионе и уже — в городе Трнава, а протестантом Л. Штуром — на основе идиома липтовского типа¹⁵. Тенденция словакизации чешского языка в евангелических текстах, однако, не являлась устойчивой, ее представлял весьма ограниченный корпус текстов, который, тем не менее, был в языковом отношении жанрово дифференцированным, поскольку язык катехизисов подвергался словакизации в значительно меньшей степени, чем язык сочинения Д. Прибиша и переводов труда Я. А. Коменского. Вследствие этого можно констатировать, что словакизация языка евангелических текстов представляла собой периферийное явление, не достигшее такого размаха, как словакизация языка традиционной словацкой письменности, приведшая к формированию особого письменного языка, отличавшегося достаточно строгой нормированностью.

Литература

Лифанов 1998 — К. В. Лифанов. Грамматикализация перегласовок как характерная особенность языка памятников словацкой письменности //

¹⁵ Липтов — историческая область северо-восточной части среднесловацкого региона, в которой находился одноименный комитат.

- Г. К. Венедиктов (отв. ред.). Славянские литературные языки эпохи Национального Возрождения. М.: Институт славяноведения РАН, 1998. С. 261–275.
- Лифанов 2000 — К. В. Лифанов. Язык духовной литературы словацких католиков XVI–XVIII вв. и кодификация А. Бернолака. М.: Издательство Московского университета, 2000.
- Лифанов 2001 — К. В. Лифанов. Генезис словацкого литературного языка (LINCOS Studies in Slavic Linguistics 21). Muenchen: Lincom Europa, 2001.
- Лифанов 2013 — К. В. Лифанов. Проблема диалектной основы словацкого литературного языка, кодифицированного А. Бернолаком // Славяноведение. 2013. № 1. С. 83–90.
- Лифанов 2015 — К. В. Лифанов. Язык словацкого издания Катехизиса М. Лютера 1634 г. как отражение формирующейся языковой ситуации в среде словацких евангеликов // Slavia. 2015. Roč. 84. Č. 2. S. 203–212.
- Смирнов 1978 — Л. Н. Смирнов. Формирование словацкого литературного языка в эпоху Национального Возрождения // С. Б. Бернштейн (отв. ред.). Национальное Возрождение и формирование славянских литературных языков. М.: Наука, 1978. С. 86–157.
- Ďurovič 2008 — E. Ďurovič. Zpráva pjsma slowenského Tobiáša Masnicia a problém slovenskej identity // Slovenská reč. 2008. Roč. 73. Č. 3. S. 129–138.
- Ďurovič 2015 — E. Ďurovič. Pôvod a podoby češtiny ako spisovného jazyka Slovákov (Niektoré závery z filologickej analýzy Bardejovského katechizmu) // Slovenská reč. 2015. Roč. 80. Č. 3–4. S. 133–156.
- Krajčovič 1988 — R. Krajčovič. Vývin slovenského jazyka a dialektológia. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1988.
- Vážný 1936 — V. Vážný. Spisovný jazyk slovenský // Československá vlastivěda. Řada II. Spisovný jazyk český a slovenský. Praha: Sfinx, 1936. S. 145–215.
- Žibritová 2011 — G. Žibritová. Žilinská synoda a Katechizmus z roku 1612: Vydavateľsko-tlačiarenské aspekty // M. Kovačka (ed.). Pramene k duchovným dejinám Slovenska (elektronický zdroj). Martin: Slovenská národná knižnica, 2011. URL: <http://www.snk.sk/?CF2> (дата обращения 13.06.2013).

Источники

- Katechizmus 1634 — Katechyzmus D. M. Luthera z Nemeckého Yazika na Slowenský preložený. Od trech Super Attendantůw roku 1612 Njny Znowu od Wysoce Vrozeneg a Welikomožnég Páňeg / Pánij Kateriny Turzo = Groff Wëlikomožného

- a na Kessmarku Slobodného Pana / Pana To(e)fo(e)lj¹⁶ Ysstwana Manželky werneg / vlastnym nakladkem obnoweny... 1634.¹⁷
- Katechizmus 1732 — Catechesis minor D. Martini Lutheri, Bohemicè & Latinè Edita. Anno MDCCXXXII.
- Katechizmus 1744 — Krestianský Katechizmus Doktora Martina Luthera, z geho vlastnjch Knih wypsaný, predtym w městě Würzburgu od Ludwjka Uszleber Pánům Lutheránům na Nowý Rok obětowaný. Nynj pak S nákladem Bybliotheky, Polemico Catechetica, Towaryšstwa Gežjssowého w Pressporcku v swatého Salwátora, opět wydatý. Wytisštěný w Pressporcku w Impressy Royerský, 1744.
- Komenský 2002 — Dvere jazyku latinského odemknute zlate (1666) // Pramene k dejinám slovenčiny 2. Bratislava: Veda, vydavateľstvo Slovenskej akadémie vied, 2002. S. 179–233.
- Komenský 2009 — J. A. Comenii. Ianva lingvae latinae reserata aurea. Leutschovia, 1643. A tanulmányt írta Käfer István. Budapest: Országos Széchényi Könyvtár, 2009.
- Palucký 1835 — A. Palucký. Jelka // Zora. Almanach. W Bud'íne: literami Král. Univ. ers. Tiskárne, 1835. S. 251–268.
- Pibiš 1634 — Rosarium Animae // Katechyzmus D. M. Luthera z Nemeckého Yazika na Slowenský preložený. Od trech Super Attendantůw roku 1612 Njny Znowu od Wysoce Vrozeneg a Welikomožnég Páňeg / Pánij Kateriny Turzo = Groff Wělikomožného a na Kessmarku Slobodného Pana / Pana To(e)fo(e)lj Ysstwana Manželky werneg / vlastnym nakladkem obnoweny... 1634.
- Szuhány 1835 — M. Szuhány. Odplata za prorocťw // Zora. Almanach. W Bud'íne: literami Král. Univ. ers. Tiskárne, 1835. S. 159–166.
- Šnell 1836 — K. Šnell. Pamatnosti Blatoňa // Zora. Almanach. W Bud'íne: literami Král. Univ. ers. Tiskárne, 1836. S. 235–254.
- Vokabulár 2020 — Vokabulár webový: webové hnízdo pramenů k poznání historické češtiny [online]. Praha: Ústav pro jazyk český AV ČR, v. v. i., oddělení vývoje jazyka. © 2006–2020. Verze dat 1.1.15. URL: <https://vokabular.ujc.cas.cz/hledani.aspx?hw=p%C5%99%C4%9Bvysok%C3%BD> (дата обращения 20. 6. 2020).

References

- Đurovič 2008 — E. Đurovič. Zpráva pjsma slowenského Tobiáša Masnicia a problém slovenskej identity. *Slovenská reč*. 2008. Vol. 73. Iss. 3. P. 129–138.

¹⁶ В оригинале буквы е в данной фамилии напечатаны над буквами о.

¹⁷ Собственно катехизис напечатан на страницах с буквами А—С, а также необозначенных, а текст Rosarium Animae — с буквами D—F и также необозначенных.

- Ďurovič 2015 — L. Ďurovič. Pôvod a podoby češtiny ako spisovného jazyka Slovákov (Niektoré závery z filologickej analýzy Bardejovského katechizmu). *Slovenská reč*. 2015. Vol. 80. Iss. 3–4. P. 133–156.
- Krajčovič 1988 — R. Krajčovič. *Vývin slovenského jazyka a dialektológia*. Bratislava: Slovenské pedagogické nakladateľstvo, 1988.
- Lifanov 1998 — K. V. Lifanov. Grammatikalizatsiya pereglasovok kak kharakternaya osobennost' yazyka slovatskoy pis'mennosti [Grammaticalization of umlauts as a characteristic feature of the language of Slovak writing]. G. K. Venediktov (ed.). *Slavzanskiye literaturnye yazyki epokhi Natsional'nogo Vozrozhdeniya* [The Slavic literary languages of the era of National Renaissance]. Moscow: Institute of Slavic Studies Press, 1998. P. 261–275.
- Lifanov 2000 — K. V. Lifanov. *Yazyk dukhovnoy literatury slovatskikh katolikov XVI–XVIII vv. i kodifikatsiya A. Bernolaka* [Language of spiritual literature of Slovak Catholics of the XVI–XVIII centuries and codification of A. Bernolak]. Moscow: Moscow University Publishing House, 2000.
- Lifanov 2001 — K. V. Lifanov. *Genesis slovatskogo literaturnogo yazyka* [Genesis of the Slovak literary language]. (LINCOM Studies in Slavic Linguistics 21). Muenchen: Lincom Europa, 2001.
- Lifanov 2013 — K. V. Lifanov. Problema dialektnoy osnovy slovatskogo literaturnogo yazyka, kodifitsirovannogo A. Bernolakom [The problem of the dialect basis of the Slovak literary language codified by A. Bernolak]. *Slavyanovedeniye*. 2013. Iss. 1. P. 83–90.
- Lifanov 2015 — K. V. Lifanov. Yazyk slovatskogo izdanya Katekhizisa M. Ľutera 1634 g. kak otrazheniye formiruyushcheyasya yazykovoy situatsii v srede slovatskikh yevangelikov [The language of the Slovak edition of M. Luther's Catechism 1634 as a reflection of the emerging language situation among Slovak evangelicals]. *Slavia*. 2015. Vol. 84. Iss. 2. P. 203–212.
- Smirnov 1978 — L. N. Smirnov. Formirovaniye slovatskogo literaturnogo yazyka v epokhu Natsional'nogo Vozrozhdeniya [Formation of the Slovak literary language during the National Revival]. S. B. Bernshtejn (ed.). *Natsional'noye Vozrozhdeniye i formirovaniye slavyanskikh literaturnykh yazykov* [National Revival and formation of Slavic literary languages]. Moscow: Nauka, 1978. P. 86–157.
- Vážný 1936 — V. Vážný. Spisovný jazyk slovenský. *Československá vlastivěda*. Řada II. Spisovný jazyk český a slovenský. Praha: Sfinx, 1936. S. 145–215.
- Žibritová 2011 — G. Žibritová. Žilinská synoda a Katechizmus z roku 1612: Vydavateľsko-tlačiarenské aspekty. M. Kovačka (ed.). *Pramene k duchovným dejinám Slovenska* (elektronický zdroj). Martin: Slovenská národná knižnica, 2011. Available at: <http://www.snk.sk/?CF2> (accessed on 13.06.2013).